

Личный архив

ЕВГЕНИЙ

РОИЗМАН

ИКОНА И ЧЕЛОВЕК

Личный архив

Евгений Ройзман

Икона и человек

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ройзман Е.

Икона и человек / Е. Ройзман — «АСТ», 2018 — (Личный архив)

ISBN 978-5-17-106309-2

Нежность памяти – редкое свойство в наших палестинах (в не наших нечастое тоже). Поэт Ройзман транслирует нежность посредством написания прозы. Тяжеловато сохранить это полудетское чувство, прожив (и проживая) данное вышеупомянутому. Живое – живому... Для нежных и живых собраны в порядок буквы этой книги. Поэтом, меценатом, градоначальником Евгением Ройзманом. О людях, о досках, о былом и о том, чему следует случиться, если нежность памяти нас не оставит.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106309-2

© Ройзман Е., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Разные люди	6
Доброе слово	6
Аванс	8
«Раб КПСС»	10
День Победы	15
Жизнь сначала	19
Против логики	20
Попутчик	21
Зачем вы, девушки?	23
Рассказ	24
Противостояние	25
Подлинная история	28
Татуировка	29
Недоуздок	32
Рассказы о животных	33
«Слава русскому народу!»	34
Никола	35
Помылись	38
Свет с востока	39
Сатисфакция	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Вадимович Ройзман

Икона и человек

Личный архив

Издательство благодарит Евгения Ройзмана за предоставленные фотографии.

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах». Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично, без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке.

© Е.В. Ройзман, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Разные люди Рассказы

Доброе слово

Когда-то мой товарищ завел собаку. Это был еще щеночек, и его чрезвычайно строжили. А я приходил в гости и незаметно его баловал: то по голове поглажу, то пузо почешу, а то незаметно скормлю кусочек мяса или колбаски.

Потом жизнь нас развела, и я попал в этот дом лет через шесть. И могучий породистый пес, услышав мой голос, бросился ко мне, отчаянно заскулил по-щенячьи, стал тыкаться носом, повизгивая, а потом и вовсе перевернулся на спину и стал дрыгать лапами. Хозяева были удивлены – они его таким не видели.

Потом, когда пес стал совсем старым, у него отказывали задние лапы, он даже не мог подняться. И все равно, если я приходил, он радостно повизгивал и старался лизнуть руку.

...Я также с детства помню всех людей, которые любили меня, которые вовремя сказали доброе слово. Меня это согревает всю жизнь, и я всем этим людям очень благодарен.

* * *

Когда-то, в 88-м году, я встретился с Евтушенко. Встретился не где-нибудь, а в Омске. У Евтушенко был авторский вечер. Полный зал народу, в проходах стояли. После выступления выстроилась очередь, человек сто пятьдесят, подписывать книжки. А у меня была с собой рукопись со своими стихами, и я в эту очередь зачем-то затесался. И видимо, выглядел со своими листочками достаточно нелепо, потому что Евгений Александрович обратил на меня внимание и говорит:

– Это что у вас, стихи? Заходите.

И вежливо сказал ожидающим:

– Извините, мне надо поговорить с поэтом.

Он внимательно посмотрел небольшую подборку, на нескольких листах поставил плюсы, а на первом стихотворении размашисто написал: «Кириллу Ковальджи: дорогой Кирилл, горячо рекомендую тебе очень талантливого Женю Ройзмана...»

Стихотворение было следующее:

В Империи развал. Шумят рабы.
Спартак в ударе. Просветлели лица.
Но чучело Вождя в плену томится,
А из провинций все текут гробы.

Окраины бурлят. Им отделиться
Хотелось бы. Кто в лес, кто по грибы —
Куда угодно. Лишь бы от судьбы.
А Император волен застрелиться.
Сенат прогнул. Лишь выправка да спесь.
Все скурвились. Пора срывать погоны.
Из Сирии выводят легионы.

Все правильно. Они нужнее здесь.

Империя, как тот презерватив,
Что пацаны всем скопом надували,
Вот-вот взорвется, матушка. Едва ли
Империю спасет инфинитив.

Что делать? Сам не знаю. Но держись.
И утешайся запрещенным средством.
Поэту не к лицу спасаться бегством.
Но все же крикнуть хочется: «Ложись!»

У меня от счастья кружилась голова. К Ковальджи я так и не попал. Стихи в «Юность» взял у меня Натан Злотников, опубликовали их лет через пять. Рукопись с автографом Евтушенко куда-то пропала (потому что я ее таскал и всем показывал), но доброе чувство благодарности меня не покидает. Всего-навсего отнесся по-человечески, а столько лет помню!

Может быть, и потому в том числе стараюсь помогать молодым поэтам.

Аванс

Едем с Доросинским ночью из Верх-Нейвинска. Устали уже. Скорость двести.

– Сань, ты чего?

– Не обращай внимания, это я так, чтобы не заснуть.

Вдруг говорю неожиданно:

– Слушай, я тебе сейчас одну серьезную историю расскажу, с которой все начиналось...

В конце 80-х у меня была «восьмерка» подготовленная. И я на этом отрезке тренировался каждый день. А потом как-то перевернулся на ипподроме, сделал несколько оборотов и весь кузов замял.

А машину мы делали у Женьки Кондабаева в Верх-Нейвинске. Он сам уже не гонялся, а с машинами всегда помогал. А так как кузов долго выводить было, он вмятины и заломы замазал мовилем – чтоб не заржавело. Так я ездил на пятнистой машине. Как жираф.

И вот 31 декабря, вечером, приехали мы с Андрюхой Урденко забирать машины из Верх-Нейвинска (Андрюха родом из Первоуральска. Здоровый и добродушный парень. Играл в волейбол. Когда учился в «железке», в общаге его звали Масса). Женька выкатил за проходную обе машины. Стоим, разговариваем. Холодно. Андрюха торопит меня, говорит:

– Поехали быстрее, поехали...

– Ну, ты тогда езжай, а я еще минут десять поговорю и тебя догоню у города.

Он остолбенел от такой наглости. У него такая же полуторалитровая «восьмерка», и отыграть десять минут на семидесяти километрах немислимо. Он говорит:

– Ты сам-то понимаешь, чего сказал?

– Давай-давай, езжай!

Посмотрел он на меня с сожалением и говорит Кондабаеву:

– Засекай!

Уехал. А я чувствую – погорячился. Женька говорит:

– Может, через пять минут поедешь?

Я говорю:

– Нет, все уже. Отступать некуда.

Пристегнулся. Женька дал отмашку. Я погнал. Просто страшно. Кто ездил по этой дороге, знает, о чем речь. А ездил я тогда на «БЛ». Была такая резина. После десяти градусов мороза – как на коньках.

Снегу намело. В одном месте меня понесло на внешнюю обочину. Успел открутить колеса, переключиться. Ударило. Зацепил обочину, сугроб через капот пошел. А у «восьмерки» на скорости запаса по мощности нет – страшно. А куда денешься, только в этих ситуациях и отыгрывается. Остановиться уже не могу.

Перед длинным подъемом разогнался, вошел на ста шестидесяти (больше она у меня не ехала). И вдруг у обочины замигала аварийка. И мужик с бабой выходят на дорогу и руками машут. Попытался начать тормозить – машина едет, как ехала. Я махнул рукой и снова было добавил газу, и вдруг что-то меня задело. Съехал в обочину (на «БЛ»-ке только так и тормозят). Поперекнулся, остановился метров через триста. Пока задним ходом до них доехал – шея затекла.

Все, никто уже никого не догнал. Расстроился. Вылезаю из машины. Стоит зеленый «москвич», заиндевший. И мужик с бабой вокруг него приплясывают.

– Что, – говорю, – случилось у вас? Новый год встречаете?

– Вот, масло вытекло, до города не дотянули.

Открыл я багажник, дал им масло. Помог завестись. Чего уж, все равно никуда не тороплюсь. До Нового года еще время есть.

Я говорю:

– Что бы вы делали, если бы я не остановился?

Они вдруг говорят:

– А мы знали, что вы остановитесь.

– Откуда?

– А перед вами парень проехал на синей «восьмерке». У него масла не было. Но он сказал, что следом вы поедете на пятнистой машине. Остановитесь и дадите нам масло. А мы ему говорим: «А вдруг мимо проедет?» «Нет, я его знаю, он точно остановится и точно вам даст масло».

Дальше я ехал уже спокойно и все пытался осознать происшедшее.

Вот так вот мой товарищ отрезал мне все пути для отступления. Он просто выдал мне аванс, который я продолжаю отрабатывать до сих пор.

«Раб КПСС»

*Светлой памяти Вити Махотина
посвящается этот рассказ*

Витя Махотин – уникальный тип. Говорить о нем можно бесконечно. Сразу из детства он попал в тюрьму. Отсидел ни много ни мало шестнадцать лет. Изъездил этапами весь Союз. Никогда и нигде не унывал. Сделал на лбу наколку «Раб КПСС». В Тагиле на больничке наколку варварски вырезали, на лбу остался шрам. В лагерях Витю все уважали и звали Репин. Кроме того, он вызывающе похож на Ленина.

Освободившись в тридцать лет, Витя получил первый в своей жизни паспорт. В графе «национальность» зачем-то написал: «еврей». Все удивлялись. Витя тоже.

Идти ему было некуда. Питался он в столовой на Химмаше. Брал два стакана чая и поднос с хлебом. Соль и горчица стояли на столе. Хлеб в те годы был бесплатным.

Родители давно умерли. У Вити остался только один родной человек. Старенькая бабушка Вера Витю очень любила. Вот о ней и пойдет речь.

Бабушка Вера была замечательной старушкой. Когда Витя сидел, она писала ему добрые письма, посылала сало, махорку и шерстяные носки. Витя отсылал ей все заработанные в лагере деньги.

Витя всегда жил очень небогато. Прямо скажем, нуждался. Но каждый раз, когда у него появлялись деньги, он их раздавал людям, которым они еще нужнее. Удивительно стойкое неприятие довольства и достатка. А про тех людей, которые слишком хорошо живут, бабушка Вера так и говорила: «Блинами жопу вытирают».

Витя приехал к бабушке Вере. Поселился в маленьком домике. А еще у бабушки Веры жили две собачки и три кошки. На Пасху бабушка Вера белила хатку. Собачки и кошки ютились на диване. Она их шугала, пытаясь выгнать на улицу. Хитрые звери перебежали с дивана на комод, с комода на подоконник и никак не хотели идти на улицу. На что бабушка Вера с укоризной им замечала: «Вы што, дурачки, на улице говны тают, а у вас ноги мерзнут?!»

Витя очень любил бабушку и написал ее портрет. Портрет получился замечательный. Витя вставил его в киот и, куда бы ни переезжал, везде возил с собой. Эта картинка в начале 90-х годов висела в Музее Свердлова на Карла Либкнехта, где работал Витя. Мое внимание на нее обратил Брусиловский. Показал на эту работу и сказал мне: «Все-таки Витя очень сильный живописец».

К тому времени у меня было уже много Витиных работ. У него лично я ни разу ничего не купил. Он мне всегда дарил. Доходило даже до скандала.

Когда Витя был директором выставки, у него висела другая замечательная картинка – «Бабушкино кресло». В глубоком старом кресле дремлет величественная старуха, а сбоку тихонечко, на цыпочках подкрадывается ее маленький рыжий внучек. Я эту картинку видел на фотографиях, она мне очень нравилась. Я знал, что она находится в частной коллекции, и это немало меня удручало.

Однажды на выставке на Ленина, 11, я читал стихи при большом скоплении народа. Витя выпил водки и перевозбудился. «Что я могу подарить тебе?» – кричал он. И тут я увидел на стене эту картинку. «Витя?» – спросил я, холодея от собственной беспардонности. Витя сказал: «Все, она твоя!» Перевернув картинку, я увидел надпись: «Диме и Наташе Букаевым от Виктора». «Как же так, Витя?» «А вот так!» – ответил он и лихо приписал фломасте-

ром: «А также Евгению». Как выяснилось потом, Витя выпросил эту картинку у хозяев на выставку под честное слово на три дня.

Был скандал. Картинка осталась у меня.

Кстати, насчет кресла. Когда Витя жил на Ирбитской, у него был день рождения. Собрались все. Пришел Фил (Виктор Филимонов из консерватории) с какой-то девицей. Но жена Фила пришла еще раньше. Фил с девицей ввалились к Вите, ничего не подозревая. Был ужасный скандал и мордобой.

Жена победила. Фил с девицей убежали зализывать раны. Часа три-четыре умный Фил отсиживался в огородах, ожидая, когда его жена уйдет. И снова они с девицей зашли поздравить Витю. Жена была там. Снова была драка. Соседи вызвали милицию. Милиция приехала через два часа, когда уже все разошлись. Менты вломились в квартиру и застали Витю в халате, сидящего в кресле. «Поехали», – сказали они ему. «С чего вдруг?» – ответил Витя, который, как и все нормальные люди, ментов не любил и имел на это все основания. «У вас тут был скандал», – заявили менты, на что Витя резонно возразил: «Надо было ехать, когда был скандал, а сейчас-то вы на фиг нужны?» – «Вам придется пройти с нами!» – «С места не встану», – сказал Витя.

И действительно, Витя не встал с кресла. В райотдел его доставили вместе с подлокотниками. Дали пятнадцать суток и увезли на Елизавет. Марина Браславская, Тамара Ивановна, Эмилия Марковна и Светка Абакумова возили ему передачи. Витю все любили.

Все эти годы «Портрет бабушки» не выходил у меня из головы. Я не знал, с какой стороны зайти. Начал я очень деликатно: «Витя, продай мне этот портрет». Витя посмотрел на меня как на идиота: «Ты сам-то понял, что сказал?! Ты мне предложил продать бабушку! Ты бы свою бабушку продал? Как у тебя язык повернулся?!» Витя побледнел. Я понял всю глубину своего падения и к этой теме больше не возвращался. Но портрет бабушки мне нравился очень, и я считаю, что это одна из лучших Витиных работ.

Через пару лет я забежал к Вите в музей. Смотрю, сидит ошарашенный Костя Патрушев и держит в руках портрет бабушки Веры. «Вот, – говорит, – у Вити купил. За сто двадцать рублей». Я очень расстроился, посмотрел на Витю и говорю: «Витя, как это могло случиться?» «Да, – говорит Витя, – неловко как-то вышло, бабушку продал...» Я говорю: «Витя, а как ты теперь собираешься мне в глаза смотреть?» Витя очень смутился. Все замолчали. Мне было очень обидно... Вдруг Витя поднял указательный палец вверх и сказал: «О! Я знаю, как исправить!.. Я сделал нехорошо, я продал Косте бабушку! Я виноват!» Он бросился к сундучку: «Я все исправлю!.. Я продам тебе дедушку!» И торжественно вручил мне замечательный акварельный портрет дедушки Никиты. Портрет был хорош, но обида еще осталась. «Нечестно, – говорю, – Витя, дедушка-то не родной». Витя говорит: «Вот чудак, кто ж тебе родного-то продаст?»

Однажды нашего товарища Олега Пасуманского в начале 90-х годов жестоко избили омовцы. Ни за что, просто так. Олег лежал в 14-й больнице у доктора Ваймана. Мы с Витей решили Олега навестить и утешить. Я заехал за Витей на Ирбитскую. Витя только что закончил автопортрет. Автопортрет мастерский. Витя в тельняшке, похожий на Ленина, на фоне горисполкома. «Витя, продай картинку», – взмолился я. «Забирай», – сказал Витя. Я дал ему пятьсот рублей, забрал картинку, и мы поехали навещать Олега. Уже в больнице Витя забеспокоился: «Что ж мы, как индейцы какие, с пустыми-то руками. Так и опозориться недолго». Мы зашли в палату, Олег лежал весь перебинтованный. Олег увидел автопортрет

и просветлел. «Вот, – говорю, – Олег, это тебе от нас». «Что значит от нас, – возмутился Витя, – ты-то тут при чем?»

Я уже говорил, что почти все свои работы Витя мне подарил. Он также подарил мне две работы Валеры Гаврилова 70-х годов, несколько замечательных работ Лысякова, лучшую работу Вити Трифонова «Обком строится», несколько картинок Брусиловского, старые работы Валеры Дьяченко, одну картинку Языкова, Лаврова, Зинова, Гаева, да и не вспомнить всего.

Однажды мы с Брусиловским решили выпить бутылочку вина. И встретили Витю Махотина. «Витя, выпьешь с нами?» – «Нет. Никогда. Я не такой. Разве что в виде исключения». Сидели на берегу Исети. Брусиловский, глядя на воду, задумчиво сказал: «Все-таки Махотин – замечательный живописец». «Уж получше вас-то, Миша Шаевич», – ответил Витя.

Однажды Витя зашел к нам в музей. Я обрадовался и говорю: «Вот Витя Махотин, непосредственный участник жизни и смерти».

Эти слова Миша Выходец взял эпиграфом к своему замечательному стихотворению.

*Ода-эпитафия отсутствующему счастливо
Виктору Федоровичу Махотину,
человеку и гражданину нашего мира,
непосредственному участнику жизни
и смерти.*

Неплохо, но давно нехорошо.
Кто не пошел ни с короля, ни с пешки —
Тот никуда из дома не пошел.
Скорлупки внешней от ядра орешка
не отделял.
Что нажил – прожил, что налил – то выпил.
Не ублажал многоголовый пипл.
Не накопил ни фунта, ни рубля.
На кровке не божился – буду бля.
И не был бля. И божию коровку
в себе не раздавил.

Оборванным листочком, полукровкой
Не слыл среди людей.
Ни эллин, ни ромей, ни готт, ни иудей.
На белом свете он такой один.
Ни жертва, ни палач, ни раб, ни господин.
Оратай без сохи. На мирном поле воин.
Он моего почтения достоин
За то одно, что мелкие грешки
Не превращал в великие стишки.

Однажды он оставил нас.
В свой день и час неторопливо
За ним закрылась дверь.

Он в мире всем теперь
Отсутствует счастливо.

Когда я был президентом Фонда, день заканчивал очень поздно, потому что ездил на Белоярку, заезжал на Изоплит в реабилитационный центр и только после этого, полностью высушенный, почти ночью ковылял домой.

А Витя Махотин жил прямо по дороге, на улице Ирбитской. Витя называл ее «Ирбитская-стрит» и добавлял, что раньше он жил на «Финских коммунаров-стрит».

У меня руль прямо сам туда поворачивал. Я стучал кулаком в стенку, заходил.

Витя жил небогато, но очень чисто. У него в комнате была куча книжек и картинки. Картинки он мне дарил (а я еще, болван, кочевряжился и не всегда брал). Мы с ним чаю заварим в эмалированных кружках, пряники, сахар... И сидим, о жизни разговариваем.

А тут как-то Витя достал альбом с фотографиями.

Я смотрел, смотрел:

– Витя, а сколько у тебя детей?

Не задумываясь:

– Восемнадцать.

Я взвыл:

– Витя, ну хорош врать! Если б ты сказал «пять», ты б меня уже убил наповал. Ну, скинь немножко!

– Хорошо. Шестнадцать. Но больше не скину, даже не проси! – Вскочил. Борода всклокочена. – И не вздумай торговаться, я против истины не пойду!

Я говорю:

– Ну, хорошо, перечисли.

– Лешка, Петька, Ленка, Илюху ты знаешь, Анька, Вовка, Прохора ты знаешь, Серега, Клавка...

Бормотал, бормотал, загибал пальцы – сбился.

– Слушай, – говорит, – я ведь тебе наврал. Похоже, все-таки восемнадцать.

Я тем временем фотки смотрю:

– Витя, ты сколько раз был женат?

– Восемь. Или девять. Вот здесь точно не скажу – соврать боюсь.

Показываю фотку:

– А это кто?

– О! Это Светка! Как я ее любил!

– Это что, мать Прохора?

– Нет, мать Прохора – другая Светка. Я ее еще больше любил! Это Ленкина мать.

– Так это она к тебе с дочкой тогда приходила?

– Нет. С дочкой Юля приходила.

– Это с которой у тебя еще в детдоме любовь была?

– Нет. В детдоме у меня была любовь с Танькой... Как я ее любил!

Я растрогался.

– Витя, – спрашиваю, – это была первая любовь?

– Что ты! – отвечает. – Первая любовь вот – Аленка!

Выхватывает фотку: стоит испуганная девочка с мишкой в руке, мишка свисает до полу.

Начинает мечтательно:

– Ей было семь, а мне восемь...

– Так ты же говорил, что она была взрослая!

– Это не она была взрослая! А наша воспитательница Элла Герасимовна! Но это было уже позднее...

- А это кто, твой друг?
- Какой друг?! Это мой сын!
- Так это который от Розки?
- Ну ты даешь! От Розки – Илюха! А это Ваня – от Лили.
- Вот это, что ли, Лилина фотка?
- Это не Лиля! Это Генриетта! Я ее до сих пор люблю!
- А это чья фотка?

Бамс меня по руке!

– А вот этого не трожь! Могут у меня, у взрослого человека, быть маленькие тайны?..

Конечно, Витя прикалывался. Потому что имена каждый раз менялись. Но получалось у него очень складно и красиво.

Когда Витя умер, его отпевали в Михайловке. Было огромное количество безутешных женщин. Я такого не видел нигде.

И совсем по-другому плакала красивая рыжая девчонка, похожая на Витю.

На самом деле у Вити трое детей: Илья, Прохор и Клава...

День Победы

*МИД Украины уполномочен заявить,
что единственной причиной участия
1-го Украинского флота в маневрах НАТО
явился семибалльный шторм...*

Анекдот

В конце апреля 1999 года мы с Андрюхой Павловым приехали на Ревун. Исеть уже вскрылась, воды было много. Мы спустились со скал. Близко подходить было страшно.

– Почему называется «Ревун»? – спрашивает Андрюха.

– Говори громче, я не слышу, – отвечаю.

– «Ревун» почему называется? – кричит он.

– Не понял, повтори, – говорю.

– Все, не надо, я сам догадался, – обрадовался он.

– Молодец! – отвечаю.

– Что ты сказал? – спрашивает.

Поднялись на скалы оглохшие. Сидим, смотрим сверху. Вода идет с ревом, сплошным бурным потоком. Пороги все в белой пене, висит водяная пыль.

– Вот бы сплыть, – говорю осторожно.

– Не, я не горазд, – говорит Андрюха.

– Ну, пойдем, посмотрим.

Ушли выше по течению. Взяли какое-то толстое бревно, бросили в воду и побежали бегом на скалы – смотреть. Бревно крутило, как городошную битую в полете. Потом его прибило на левую сторону под скалы, оно встало торчком и исчезло. Мы смотрели, смотрели – оно больше нигде не выплыло.

«Ой-е-ей», – думаем...

Сплыть захотелось еще больше.

Я Андрюхе говорю:

– Ну что? Может, попробуем?

Он говорит:

– Нет-нет-нет, не попробуем, не попробуем!!!

Мы поехали в город озадаченные. Едем, молчим, репу чешем.

Приехал я к отцу. Говорю:

– Пап, как ты думаешь, реально Ревун пройти?

Он говорит:

– Кому?

Я говорю:

– Мне.

– Когда?

– Сейчас, в это время.

Он говорит:

– Ну, вообще-то все, когда сплавляются, Ревун обносят по берегу. А в это время там, наверное, пятая категория сложности... На чем ты хочешь?

Я говорю:

– Ну, у нас есть лодочка, «Хантер», надувная.

– Так себе лодочка. Клизма американская. У деда Мазая лучше была.

Я ему говорю:

- Чужую лодку каждый охаять норовит.
А он мне:
– Видел на берегу, там могилы, крест стоит?
Я говорю:
– Видел. Так они, наверное, пьяные были.
– Правильно. Кто туда трезвый-то полезет...
Вижу, заволновался. Говорит:
– Так у вас опыта нет никакого.
Отвечаю:
– Так в этом-то весь смысл.

В следующие выходные мы с Андрюхой, с моим отцом и Саней Ляным сплавились по Режу – от Колташей до Режа. Андрюха греб с носа, я с кормы. Потихонечку приспособились. Потом Андрюха выпал из лодки в ледяную воду. Вылез на островок. Решил проверить зажигалку: работает ли она после того, как побывала в воде. Загорелась сухая трава. Через пару минут весь островок был в огне. Мы еле спасли лодки. Гребли оттуда изо всей силы, ругая незадачливого Андрюху. Над нами кружил пожарный вертолет. У Режа река была подпружена. Мы двадцать километров гребли по стоячей воде на резиновых лодках против ветра. Нас встретил Женька Улюев. Мы загрузили лодки в багажник, выпили водки.

- Андрюха говорит:
– Ну все, я, кажется, горазд сплыть по Ревуну.
В этот самый момент я понял, что я-то не горазд, но отступить было уже некуда...

9 мая за мной заехали Андрюха с Ленкой на Сашином джипе. Это был тот самый знаменитый джип TOYOTA Landcruiser-80 с номером «111», который прошел два «Урал-трофи», но тогда он был еще новый. В багажнике лежала лодка. Сам Саша почему-то не поехал.

Приехали на Исеть, там какие-то соревнования. Штук сто палаток, спортсмены-водники со всего Урала, катамараны сушатся. Какие-то ребята наверху, на скалах.

- Я говорю:
– Что не ходите?
Говорят:
– В Двуреченске плотину открыли, вода большая идет.

На самом нижнем пороге тренируются. Уже со спокойного места, из тихой гавани, на катамаранах-двойках поднимаются на один порог вверх и скатываются обратно – технику отработывают. Мы достали лодочку. Накачали ее до звону. К нам подошел какой-то водник, мастер спорта из Перми. Бородатый, в потрепанной штормовке и драных кедах.

- Чего, – говорит, – задумали?
Мы его осторожно спрашиваем:
– Как ты думаешь, реально Ревун пройти?
Он посмотрел на нашу лодочку и отвечает:
– На этом-то корыте?
– Да нет, – говорим, – мы просто так спрашиваем, теоретически.
Говорит:
– Ну-ну.

Я говорю Андрюхе:
– Хрена ли мы здесь с тобой в лягушатнике будем плавать? Поехали, объедем скалы, уйдем выше по течению и там попробуем.

Закинули лодку на багажник, посадили Ленку за руль, сами встали на подножки, держим лодку и поехали к мосту, к деревне Смолино. Только начали подниматься на гору, слышим крики: «Стойте, стойте!»

Остановились. Бежит за нами бородатый, кедами хлюпает:

– Парни, идите по правой стороне, прижимайтесь как можно сильнее к правому берегу.

– Почему? – спрашиваем.

– А так у вас хоть какой-то будет шанс в живых остаться. Если потащит влево, из-под скал не выйти. Там посредине островок, его сейчас не видно, только ивы торчат. Если что, цепляйтесь за ивы, вас потом вертолетом снимут...

Выше по течению было уже не так страшно. У нас было три весла.

Андрюха мне говорит:

– На фиг нам третье весло? Давай на берегу оставим.

Я говорю:

– Как на фиг?! Давай клади в лодку.

Надеваю жилет спасательный.

Он говорит:

– А жилет-то на фиг?

Я ему говорю:

– Слышишь, ты, умник, я-то, в отличие от тебя, хотя бы плавать умею.

Надели жилеты. Ленке говорим:

– Ну все, мы поплыли.

Спустили лодочку на воду. Течение очень сильное.

Я говорю Андрюхе:

– Давай пересечем наискосок к правому берегу, уйдем прямо к той стене, проскробемся вдоль правого берега до первого порога, остановимся и посмотрим.

Состоялось. Пошли. Он греб с левого борта, а я с правого. Он встал на баллон коленом, а вторую ногу засунул под правый баллон, расперся. Я встал точно так же и на всякий случай зацепился ногой за леер. Оттолкнулись. Подхватило сразу. Мы даже не ожидали. Стали выгребать против течения, сломали весло. Андрюха сразу схватил запасное.

Я ему говорю:

– Обломки выкини.

Он отвечает:

– Не-не, пусть будут.

С огромным трудом выгребли к противоположному берегу. Чуть-чуть успокоились. Я ему говорю:

– Давай чуть ниже уйдем, там пристанем.

С левой стороны от нас, чуть ниже по течению, торчал огромный валун.

– Давай, – говорю, – обойдем его слева и там уже пристанем. Осмотримся.

Он говорит:

– Давай.

Выгребаем снова к середине, гребем изо всей силы, огибаем камень и пытаемся уйти вправо, к берегу. Весла гнутся, у нас ничего не получается. Нас несет и втягивает в какую-то гигантскую воронку между камнями. Впереди стоит сплошной реф. Андрюха поворачивается ко мне и орет истошным голосом:

– Женя! Все, все! Греби, греби! Поплыли!

Сам вижу, что поплыли. Страх кончился.

Нас несло на огромный валун, который делил поток на две части. Сделать мы уже ничего не могли. Мы прошли над ним, раздался треск. Сразу за камнем мы упали. Удар

был очень сильный. Справа и слева от нас стояли водяные стены метра по два высотой. Полная лодка воды. Нас развернуло, я оказался на носу, потерял Андрюху из виду. Понял, что он выпал из лодки и утонул, но жалости в тот момент у меня не было. Надвигался еще один порог. Лодку бросало и колбасило, она вставала торчком. Я греб, сколько было силы, причем схватился под самую лопасть, чтобы не сломать весло. Лодку снова развернуло, я даже не удивился, увидев Андрюху впереди. Рев стоял немилосердный, нас уносило влево, под скалы, туда, где из воды торчал большой крест. Мы оба все понимали. Гребли слаженно, изо всей силы, пытаюсь уйти вправо. Наконец нам это удалось.

Мы почти подошли к берегу, Андрюха прыгнул, чтобы уцепиться за кусты, и упал в воду. Тем не менее за берег мы зацепились, вылили из лодки воду. Перед нами оставался только один порог. Мы подняли головы, все скалы были облеплены людьми. Все смотрели на нас. Мы спокойно сели в дырявую лодку и прошли этот порог по диагонали справа налево.

Спустившись, мы сидели в лодке в полной тишине, опустил весла, пока нас не вынесло на мель. Пульс у меня был за двести. Мы тихонечко подкатились к берегу, оглохшие и очумевшие. К нам бежали люди.

Первым подбежал бородатый водник.

– Парни! – закричал он. – А ведь такого здесь еще никто не видел!

Люди выстроились в очередь, чтобы пожать нам руки. Клянусь, я не преувеличиваю. Все говорят:

– Парни, ну вас и колбасило! Мы думали, вас не вынесет.

Я обиделся:

– При чем тут вынесет – не вынесет? Мы сами выгребли.

Посмотрел на весла, а они стали как коромысла. Мы были счастливы.

Тут с горы спустилась Ленка.

– Ты видела? – спрашивает ее Андрюха.

– Что? – спрашивает она.

– Да ничего.

– Не переживай, – говорю, – Андрюха, зато все остальные девушки видели.

Мы достали бутылку виски.

– Ну что, – говорю, – за Победу! С праздником!

Пожали мы друг другу руки и засадили из горлышка. Лодочку сдули, засунули в багажник, Ленку посадили за руль, поехали в город.

Только заехали в зону досягаемости, я позвонил отцу.

– Ну, что, – говорю, – папа, мы прошли!

Он сначала даже не поверил. Потом обзвонил всех своих знакомых, нахвастался. Мне давай все звонить, спрашивать подробности, поздравлять. Нам с Андрюхой гордо, нас распирает.

Через неделю поехали на Ревун снова. Встретили знаменитого путешественника Вову Рыкшина с голубоглазой собачкой хаски. Говорим ему так вежливо, с почтением:

– Здравствуйте. А как вы думаете, можно по Ревуну сплыть на резиновой лодочке?

Он говорит:

– Фигня делов! Тут в прошлые выходные два идиота сплыли.

Сам ты идиот, полярник сраный. Сам бы попробовал. Это тебе не на собачках к Северному полюсу.

Жизнь сначала

Товарищ мой, старый книжник, жил на Шевченко. Человек он был домашний, не сказать, что жадный, но скопидомный. Все в дом. И магнитофон у него был замечательный, и проигрыватель, и телевизор цветной, и соковыжималка, и даже какой-то редкий в те времена кухонный комбайн. А квартира была двухкомнатная хрущевка и вся заставлена снизу доверху – пройти невозможно. А ему это, видимо, нравилось, и он вполне ощущал, что дом – полная чаша. И вот однажды он уехал на юг, а за это время его обокрали. И вынесли все! Даже шторы, и те вынесли.

Меня нашли соседи и говорят: «Он скоро приезжает, надо его как-то подготовить». И вот я приехал на вокзал, сделал печальное лицо и начинаю его встречать. Но, видимо, перестарался. Он вышел из вагона, увидел меня, и ноги у него подкосились. Он вдруг испуганно: «Женя! Женя! Что случилось? Говори!»

А я еще сделал паузу и говорю: «Миша, ну, понимаешь...»

Он схватил меня за руку: «Не томи! Говори как есть!»

Я говорю: «Миша! Тебя обокрали. Вынесли все!»

И он вдруг улыбнулся, вздохнул глубоко и с огромным облегчением сказал: «Ну, слава богу! Наконец-то я могу начать жить заново».

Против логики

Мой товарищ Костя Патрушев жил тогда на Свердлова. Ему было десять лет. У них дома был аквариум. И вот дядя Володя купил двух скалярий. Красивых и редких тогда рыбок. Вдруг одна рыбка пропала. А в доме три человека – Лина Ароновна, дядя Володя и Костя. Куда могла деться рыбка, непонятно. Стали спрашивать у Кости. Костя пожимает плечами:

– Я не знаю.

При этом дядя Володя рыбку точно не брал, и Лина Ароновна точно не брала.

– Костя, ну не упрямясь. Куда ты дел рыбку?

Костя уперся:

– Не брал я!

– А куда же она тогда делась?

– Я не знаю.

– Костя, ну ты же понимаешь, что врать нехорошо!

– Я не вру!

– Хорошо, тогда куда делась рыбка?

– Я не знаю.

– Костя, скажи правду. Тебе за это ничего не будет.

– Я не брал.

– Костя, – стал искать ходы дядя Володя, – может, ты ее поменял на марки?

– Нет.

– А что тогда? Подарил кому-нибудь?

– Я не брал.

– Костя, ну зачем ты обманываешь? Мы же все понимаем. Сознайся!

– НЕ! БРАЛ! Я! ВАШУ! РЫБКУ! – отчаянно закричал Костя и зарыдал.

У него началась истерика. Лина Ароновна села рядом с ним, обняла, прижала голову к груди и сказала:

– Успокойся, я знаю, что ты не брал. Я тебе верю.

Вот так вот, против всякой логики.

Через полгода чистили аквариум и в большой раковине нашли скелетик рыбки. Она заплыла туда и не сумела выбраться.

Попутчик

Мне позвонили могучие парни и позвали на тренировку. Еду я по Крауля в сторону города. Смотрю, на углу Крылова стоит пожилой человек с кошелкой и так спокойно, с достоинством, останавливает машину. Я остановился и стою. Он подошел и спрашивает: «Это вы мне остановились?» Я говорю: «Конечно. Куда вам?» Он говорит: «Если можно, угол Малышева – Бажова. Только у меня тридцать рублей». Я ему говорю: «Садитесь, садитесь». Сначала он подал мне палку, потом поставил кошелку, с большим трудом взобрался на сиденье и говорит, извиняясь: «Я, понимаете ли, без ноги. Вы уж меня извините». «Ладно, – отвечаю, – чего там». Поехали мы...

«Вы воевали?» – спрашиваю. «А то! – отвечает. – Ушел по ворошиловскому набору сразу после десятого класса, в 40-м году. Служил на Западной Украине. Стояли мы на Буге...» «А как для вас война началась?» – спрашиваю. «В субботу, – говорит, – получил увольнение. И пошли мы в близлежащий городок. Сели в кабачке выпить пива. Я, еще один солдат и лейтенант с нами. Вокруг нас все крутился поляк, хозяин кабачка. Подливал нам пива, всячески угощал и никак не хотел брать с нас денег. Наш лейтенант пытался всучить ему деньги. Хозяин в последний момент убрал руки за спину, и деньги упали на пол. Поляк наклонился, чтобы их поднять, и вдруг у него из кармана упала и разлетелась по полу пачка фотографий. Он побелел, выпрыгнул в окно и помчался к лесу. Лейтенант истошным голо-сом закричал: „Стреляйте по ногам, возьмем живым!“». «Что на фотографиях-то было?» – спрашиваю. «Да ничего, – говорит, – весь комсостав нашей дивизии. Еле скрутили мы его. Вечером в части командира наградили часами, а нам с бойцом объявили благодарность и предоставили двухнедельный отпуск. Я очень обрадовался и утром собирался уехать к родителям в Киев. Спать лег счастливый...

Прошел я всю войну. Видел все, что можно было увидеть. Был ранен, контужен, лежал в госпиталях. Однажды в Кисловодск, в госпиталь, приехал знаменитый Вольф Мессинг выступать перед ранеными. Там я с ним и познакомился. Он сказал одну очень интересную вещь, я помню это всю жизнь: „Ни одно доброе дело не пропадает“.

В госпитале я познакомился с одной прекрасной девушкой. Она стала моей женой. Мы приехали сюда, в Свердловск, и остались здесь жить».

«А чем вы сейчас занимаетесь?» – «Вообще-то я занимаюсь педагогикой, – отвечает. – Я много преподавал, занимался научной работой. Я счастливый человек, у меня много учеников. Одно время занимался творческим наследием Макаренко...» – «Во-во, – перебил я его. – Только перечитал „Педагогическую поэму“...» – «Что вы говорите! Это великая книга, а Макаренко великий педагог! Правда, его не очень жаловала Крупская, говорила: Это „беспризорная педагогика“». Я говорю: «Крупская-то что в педагогике понимала?» Он отвечает: «Ну не скажите, все-таки двенадцать томов издано». Я говорю: «Ну все равно она, видимо, хорошая тетка была». Он говорит: «Это несомненно». «Вообще, – говорю, – когда сам столкнулся, „Педагогическую поэму“ прочел по-другому. Макаренко повезло. Все-таки за ним стояла советская власть, ЧК. У колонистов были стимулы, такие как комсомол и рабфак, к тому же они не были наркоманами...»

Мы давно уже приехали. Стояли у его дома и разговаривали. Я хотел ему подарить книжку своих стихов, но не нашел. У меня была с собой статья из «АиФа». Я ему ее отдал. И был приятно удивлен, что он знает нас и поддерживает. «Все-таки, наверное, страшно?» – спрашивает он меня. Я ему говорю: «Вот вы всю войну прошли, под пули лезли, в атаку ходили – не страшно?» Говорит: «Да как-то не задумывался...» «Смотрите, – говорю, – выжили, победили – гордо?!» Он улыбнулся. «Вот, – говорю, – и мне за вас тоже гордо!» «Будьте осторожней!» – отвечает. «Спасибо», – говорю. «Все-таки возьмите деньги». – «Да

что вы, не надо мне никаких денег». Он настаивает: «Берите, Женя, не стесняйтесь. У меня роскошная пенсия!»

Фамилия этого человека Яковлев. Он 22-го года рождения. Я дал ему свою визитку, может быть, он мне позвонит.

Приехал на тренировку. Хожу, думаю о своем и улыбаюсь. Парни говорят: «Ты чего такой довольный?» – «Да так, – говорю, – человека хорошего встретил. Радуюсь».

Зачем вы, девушки?

Я, когда освободился, до поступления в университет работал на Уралмаше, в 50-м цехе, на сборке.

И вот однажды вышел в третью смену, в ночь, а я и так-то не выспался, а тут вообще как чумной ходил. И в перерыв забрел к девчонкам-крановщицам в тепляк. Сел в уголок, а там тумбочка стояла. Я каску снял, голову уронил и закемарил. А их там собралось человек пять-семь: крановщицы да малярши еще подошли. И они видят, что я уснул, заговорили о своих бабских делах. Ну какие там бабы – лет по тридцать, может. И без всякого спиртного посреди рабочей смены рассказывали о жизни в таких подробностях, что я проснулся и слушаю. И боюсь, что они увидят, что я покраснел и уже не сплю. Я никогда не представлял, что женщины могут настолько откровенно разговаривать друг с другом о таких серьезных интимных вещах. Ну, в общем, такого наслушался, что до сих пор стесняюсь.

Все-таки женщины отличаются от мужчин. Не представляю, чтобы мужчины могли делиться друг с другом такими подробностями. А уважающие себя мужчины тем более.

А среди этих девушек была крановщица Тома, очень красивая, спокойная женщина. У нее муж был очень ревнивый, работал в милиции на Машиностроителей, 45, и каждую смену встречал ее возле проходной. А со мной в бригаде работал один парень, и у них была любовь. И рядом с цехом стояла такая будочка, уж не помню, что в ней хранилось. А у Васи был ключ от нее. И он минут за пять до обеденного перерыва уходил в эту будочку, а потом туда осторожно приходила Тома. И так каждую смену вместо обеда... Так вот, она в общем девичьем разговоре не участвовала. Не знаю, может, ее все устраивало.

Рассказ

Забирала дочку из садика. Воспитательница сказала, что завтра утренник и дочке надо обязательно быть в нарядном платье. Она запереживала, потому что жили бедно и платья нарядного не было. Но муж должен был сегодня на заводе получить премию, и она, подхватив дочку, заторопилась домой. Мужа еще не было. Попросив соседей присмотреть, побежала в «Детский мир» на Культуры, что напротив кафе «Березка», и увидела замечательное розовое платье. Упросила продавщицу придержать до закрытия, до восьми, и побежала домой.

Пришел муж – она к нему. Он в сердцах:

– Да не дали сегодня премию...

Махнул рукой и вышел во двор, где напротив подъезда стоял стол и мужики играли в домино.

Она очень расстроилась, уложила дочку спать и стала думать. Потом тряхнула волосами и достала голубое платье. Замечательное голубое платье, которое несколько лет назад шила себе на свадьбу. Взяла ножницы, вздохнула и стала кроить.

Когда пришел муж, она ушла на кухню, чтобы никому не мешать. Швейной машинки у нее не было, и поэтому шила она на руках. Деревенская девчонка, она руками умела делать все. К утру платье было готово.

Она разбудила дочку, нарядила ее и заплела в косички голубые бантики. Чудное получилось платье! Дочка очень радовалась.

Она заторопилась отвести дочку в садик, потому что ей тоже надо было на работу.

Муж, выходя из дому вместе с ними, вдруг сказал:

– А! Премию-то дали! Вот, возьми...

Она посмотрела на него:

– Ты что?

А он растерялся и говорит:

– Я хотел, чтобы ты сильнее обрадовалась...

Противостояние

В конце 70-х на Свердловском центральном женском отделении малолетки пошумели. Не то чтобы бунт. Так, хипиш получился. Попкарша (надзирательница) там одна работала, молодая и дерзкая. Своим наглым взглядом малолеток смущала. Они ее подозвали. Она отомкнула кормушку. Ее нежную девичью руку в камеру затащили и за 30 секунд полную ладонь надрачили. Она потом три дня голосила и бегала в санчасть, где ей руку в хлорке отмачивали. Весь маникюр сошел. Но я не об этом.

После этого хипиша малолеток раскидали по всей тюрьме по разным камерам. А двух самых блатных закинули на взросляк, на старый корпус.

Вечер. Общаконная хата. Битком. Сорок рыл. Жара. Духота. Все полуголые, стриженные, запартаченные. Всё в сизом дыму. Курят махорку рубленую, что в ларе по пять копеек. Самокрутки из газет. Бывалые стараются на тарочки для закрутки брать где картинка, там свинца побольше – вроде как и продирает посильнее, поядовитее получается. Скука. Сорок рыл, не зная, чем заняться, шпилят с утра до ночи, чифируют, тусовки нарезают да терки трут. И вот на вечерней проверке открывается дверь и закидывают двух малолеток. Малолеток видно сразу, они в казенном.

Все попрыгали со шконок, повывлезали из своих углов – всем интересно. «А что, парни? За что? Откуда?» Один: «Я с Вагонки (Тагил)». Другой: «Я с Динаса (Первоуральск)». «А что на взросляк?» – «Да хипишнули. Попкарше в руку натрухали...» – «Ох, парни, плохо дело! Вы же теперь по политической пойдете». – «Что такое?» – «Так она же, небось, комсомолка!» Ну, в общем, приняли их ласково. Порасспрашивали, поприкалывались.

А в центре хаты – платформа, стол такой дощатый, окантованный железом, чтобы доски не выбили. А к нему приварены длинные скамьи. И вот старшие, кому положено, собрались за платформой, малолеток пригласили. Чаю заварили, хапанули. Отпарили вторяки, подмолодили, еще хапанули. И малолетки туда же, как взрослые, чинно, по два глотка, с карамелькой. Потом один из старших: «А что, которые круче – тагильские или первоуральские?»

Малолетки аж опешили. Ясен пень! Конечно, тагильские. То есть первоуральские. А тут еще земляки в хате нашлись. Одни орут: «Да первоуральские круче!» Другие говорят: «Тагильские малолетки всех блатнее!» Парни-то уж вскочили, готовы друг в друга вцепиться. Старший осадил:

– Э! Вы не на малолетке. Здесь гладиаторские бои не канают. Тот круче, у кого яйца крепче!

Вся камера орет:

– Да, да! Надо проверить!

И к этим:

– Готовы?

Как не готовы?! Страшно, конечно, а куда денешься? За свой город надо постоять. Камера гудит. Одни за тагильских, другие за первоуральских. Старший говорит:

– Тихо. Здесь все серьезно. – И к малолеткам: – Сейчас каждому из вас привяжем к яйцам шнурок. Сядете напротив друг друга. Ты возьмешь в руку его шнурок, а ты возьмешь его. Тянуть будете изо всей силы, поэтому сразу намотайте на руку, чтоб не выскользнул. Кто первый заорет «сдаюсь», тот проиграл.

Малолетки уже начинают снимать штаны. Старший говорит:

– Подождите. Предупреждаю: будет больно. Поэтому каждому сейчас завяжем глаза, чтоб от боли не лопнули.

А малолетки уже раздухарились, им по фиг. Смотрят друг на друга, как Тайсон с Холлифилдом. У каждого за спиной секунданты.

Тут же появились прочные шнурки, сплетенные из распущенных капроновых носков. Малолеток усадили друг напротив друга, каждому надели на яйца петлю и затянули покрепче. И завязали глаза. И вот они сидят, сопят носами, ждут команды. Вся камера повскакала со шконарей, сгрудилась вокруг них.

В ту секунду, когда они сидели с завязанными глазами и шли последние приготовления, между ними аккуратно поставили смазанную маргарином кружку и придавили сверху. И когда подали в руки концы шнурков, их пропустили вокруг кружки так, что каждому достался свой собственный. Камера затаила дыхание. Старший сказал: «Поехали!» И каждый из малолеток, намотав на кулак шнурок, осторожно потянул. Камера притихла.

– Ух ты!

– Больно, блин!

– Черт!

– Ну подожди, псина!

Потянул чуть сильнее – и он, гад, сильнее.

– Ох ты, гнида, ну держись!

– Ах ты вот как, пидор!!!

Тянут все сильнее, боль невыносимая, скрежещут зубы. Вся камера на ушах.

– Тагил, тяни! Он уже сдаётся!

– Первоуральск, делай! Он сейчас не выдержит!

И тянут, бедолаги, уже в полную силу. Скрипят зубами, плача и захлебываясь от ненависти друг к другу. И каждый понимает, что надо терпеть и тянуть. Камера рыдает. Малолетки стонут от боли и матерят друг друга. С галерки:

– Тагил, х...ли ты тянешь?! Рывками пробуй!

Пробуют рывками.

– Первоуральск, не поддавайся!!!

Хрипят из последних сил. Не сдаются. Камера бьется в истерике...

Что вы думаете? Кто-то оказался крепче? Ни хрена подобного. Услышав эти дикие вопли, в камеру ворвался надзиратель по прозвищу Гангрена, бывший фронтовик. Спалились, потому что на стреме никто не стоял, всем было интересно, у кого яйца крепче. А так бы эти парни просто с безобидной дружеской подначки оторвали бы себе яйца.

Когда они сдернули повязки и поняли, что произошло, то с плачем бросились с кулаками на всю камеру сразу. Еще бы не обидно! Собственноручно со всей свирепостью отрывали себе яйца на глазах у всей хаты, думая, что отрывают их у другого... И Гангрена их успокаивал.

Малолетки, конечно, на всех обиделись. Но им тут же объяснили, что обиженных е...т. Им ничего не оставалось, как тоже смеяться. Малолетки отходчивые. Так они и хохотали, слезы по щекам. Их потом все просили показать яйца. А самым любопытным они даже разрешали потрогать. И то. Яйца у них стали, как хвосты у павлинов. Все удивлялись. Потому как яиц не должно было остаться.

Наутро добросовестный Гангрена написал рапорт. Полхаты отправили на кичу (карцер), а малолеток на больничку. Где они, кстати, встретили свою попкаршу, но уже не проявили к ней никакого интереса.

Если кто-то думает, что я написал о политике в связи с последними событиями, и попробует провести параллели, то они, конечно же, проведутся. Но на самом деле я так, безотносительно... Всем привет!

Подлинная история

Леха Ленку любил. Она честно ждала его из армии. Потом его посадили. Она ждала его из лагеря.

Леха освободился и взялся за ум. Делал любую работу, зарабатывал, помогал всем своим друзьям. Жизнь налаживалась. Переехали на Первомайскую. Ленка нарадоваться не могла.

У Лехи был непутевый друг Вова. Увидев, что Вова болтается без дела, Леха говорит: «Вовка, помоги мне по квартире. Я дам тебе заработать». Вова согласился.

Каждый день утром приходил к Лехе и до вечера циклевал полы, клеил обои и вообще занимался ремонтом. И вот однажды Леха собрался ехать в Михайловск. С вечера предупредил Лену. Утром вышел, Лена еще спала. Пошел на стоянку возле бани заводить машину. Стоял мороз, машина не завелась. Посадил аккумуляторы. С прикуривателя тоже не завелась. Таскали на веревке часа полтора. Не заводится. В общем, никуда не поехал, замерзший пошел домой. Думает, хоть посмотрю, как Вова работает.

Звонит – никто не открывает. Странно. Сунул ключ. Дверь заперта изнутри. Э, вы чего там все, охренели?! Давай пинать в дверь. Грохот стоит, соседи повыползли. И вдруг он все понял. Лена-то дома. Это они с Вовой заперлись, потому что точно знали, что он уехал...

Ноги неожиданно ослабли. Он сел на ступеньки. Посидел несколько минут. Потом, убитый горем, выполз во двор (делать-то что-то надо!). Медленно побрел вокруг дома. Жизнь обрушилась.

...И вдруг на углу увидел, что рабочие налаживают люльку и собираются наверх. «Мужики! Подбросьте за четвертак до четвертого!» Те не удивились – залезай!

Перегнувшись из люльки, Леха бахнул кулаком в раму, выбил шпингалет и, поблагодарив мужиков, нырнул в кухню. Схватил со стола кухонный нож и бросился в спальню.

Вова разметался по супружеской кровати. В одежде. Рядом стояла пустая бутылка водки. Ленки не было.

У Лехи даже слезы брызнули из глаз. Он обнял спящего Вову со словами: «Братан, как я счастлив!» И, не выпуская нож из рук, стал его целовать. Очумевший Вова проснулся и, чувствуя себя виноватым за то, что вместо работы высосал бутылку водки и уснул на хозяйской постели, никак не мог понять, чему Леха так радуется...

Потом они с Лехой сидели на кухне и пили водку. И Леха все повторял: «Братан, ты не представляешь, как я тебе благодарен!..»

А Ленка утром открыла Вове дверь и ушла на работу. Вова с мороза, перед тем как приступить к работе, достал из холодильника бутылку водки, выпил, потом еще, согрелся и уснул...

Ленка, узнав эту историю, улыбнулась, пожала плечами и покрутила пальцем у виска. А Леха говорит: «Да-а-а, ей смешно, а я чуть с ума не сошел...»

Татуировка

*Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не
накалывайте на себе письмен.
Левит, глава 19, стих 28*

Дочка моя старшая, когда ей исполнилось восемнадцать, сделала себе наколку во все пузо. Такое солнце разноцветное. Ну ладно живот плоский. Но я на всякий случай рассказал ей педагогический анекдот. Как Наташа Ростова, сославшись на ошибки молодости, показала поручику Ржевскому наколки: на одной груди Пьер Безухов, а на другой – Андрей Болконский. Поручик громко хохотал. И сказал, что представил, как вытянутся у них рожи через 20 лет.

Разные видел я наколки. И эротические, и политические, и философские с моралью для поучения. Чего только люди с собой не делают! Ну ладно хоть в тюрьме, где делать не хрен. А то ведь на свободе и за свои деньги!

Родственник у меня в деревне, хороший мужик. От локтя и до кисти расплывшимися чернилами у него выколото: «ВЕРА». А жену зовут Оля. Вот, всю жизнь объясняет, что имел в виду...

Один парняга по молодости попал в КПЗ. И, отсидев трое суток, запортачился жженкой – это резина с каблука, пережженная с мочой. А потом ушел в армию. Вернувшись, пошел работать в милицию, в уголовный розыск. Дослужился до подполковника. На одном запястье у него крупными корявыми буквами было выколото ЗЛО – «за все легавому отомщу», а на втором СЛОН – «смерть легавому от ножа», или еще вариант: «суки любят острый нож». Очень стеснялся.

В конце 70-х на десятку поднялся с малолетки один тагильский. Весил он сорок килограммов, кожа да кости. Но веселый и дерзкий. Звали его Пипик. А уважительно – Пипон. Он был такой понтовитый, что на всех сгибах – в локтях, на запястьях, под коленями – наколол настоящие дверные шарниры, такие проработанные, с шурупчиками. Типа «на понтах как на шарнирах». А потом попал в БУР и там на грудь решил наколоть «НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ НА РУСИ БОГАТЫРИ». А так как грудь была узкая, а буквы крупные, то прямо на плечо ему попало «сь», а «богатыри» получилось с переносом во второй ряд. Но ему нравилось. Сказал что хотел.

В Каменске на ИВС попала одна молодая наглая рыжая воровайка. «Воровка никогда не станет прачкой» – еще из тех. У нее ниже пупа большими буквами было наколото: «УМРУ ЗА ГОРЯЧУЮ Е...ЛЮ». Она этой наколки не скрывала и ходила по камере в одних плавках. Менты с ума сходили. Все время бегали, в волчок заглядывали и в кормушку. А на бедрах у нее были выколоты два ангелочка. Так, конечно, на любителя.

Один смазливый малолетка в Рыбинске как ни в чем не бывало наколол прямо на заднице: «НЕ СМОТРИ – ОСЛЕПНЕШЬ!». Естественно, все смотрели и смущались.

А один блатной на пузе с двух сторон нарисовал двух ангелочков, которые изо всей силы машут крыльями, как птички колибри, и в руках у них у каждого тяжелая цепь, которая спускается прямо туда. А над ангелами в лучах восходящего солнца начертано: «ВСТАВАЙ,

ДРУЖОК! ХАЛТУРА ПОДВАЛИЛА!». Я вот все думаю, что было бы, посади его с той рыжей воровайкой...

Но это так, эротика. А по политической части чего только не кололи! В свое время и на взросляке, и у малолеток была очень популярна наковка, которая называлась «оскал». На одной груди – в профиль Ленин или Сталин. А на другой – оскаленная тигровая или леопардовая пасть. Расшифровывалось это так: «Оскалил пасть на советскую власть». Иногда кололи профиль вождя с жалобной надписью: «Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье».

А некоторые заостряли:

Нас триста лет татары гнули
И не могли никак согнуть,
А коммунисты так согнули,
Что триста лет не разогнуть!

А один упертый интеллигентный диссидент, известный, кстати, человек, во всю спину себе заделал четверостишие:

Посадили за решетку,
Все подумали, пропал.
Х... вам в ж... коммунисты,
Под амнистию попал!

Вот так вот, шершавым языком плаката!

Рисковали, конечно. Замечательный художник Витя Махотин в начале 60-х прямо из детдома попал на малолетку в Верхотурье. Естественно за повидло и пряники. И выколол себе на лбу: «РАБ КПСС». Его тут же увезли этапом на больничку в Тагил и вырезали наковку без наркоза. Шрам остался. Всю жизнь с челкой ходил.

В тюрьмах портачатся от нечего делать. Спросишь: зачем? Скажут: «А что? Все портачились!» Баб стараются на спине не колоть. Один таки наколол. С припиской: «КОЗЛЫ ВСЮ СПИНУ ИСКУСАЛИ». Ну, со вкусом.

Бывают наковки совершенно банальные. Пиковый туз, пробитый кинжалом, бутылка водки и профиль какой-то биксы. Все это забрано решеткой. И печальная надпись: «ВОТ ЧТО НАС ГУБИТ» (типа «женщины, карты и вино доведут до цугундера»).

А у одного ярославского бродяги на левой груди была выколота виселица, на которой болтается человечек. И трогательная надпись: «ВИСИ, КОРЕШ, У МОЕГО СЕРДЦА».

На лысой макушке особо продвинутые могут наколоть: «ПРИВЕТ ПАРИКМАХЕРУ» или «ОПЯТЬ ПОПАЛСЯ». На свободе под волосами не видно, а когда поднимаются на тюрьму, их стригут – вроде как весело. Но наша история не об этом.

Коля Калинин жил на Урицкого, где потом было кафе «Дебют», прямо на площади 1905 года. Окончил медучилище. За что он сел, я уж сейчас и не помню. Умный, начитанный парень. Работал санитаром на больничке. А на самом деле был полноценный лепила (доктор). И ему по фиг было, зубы дергать или аппендицит вырезать. И вот уже срок к концу подходит, и обыграл он в терц за четвертак лучшего кольца зоны. А тот все не платит. Коле остается три дня до освобождения. Дергает он кольца к себе. «Слышишь, – говорит, – я все равно с тебя получу». Тот взмолился: «Коля, нет денег!» Тогда Коля говорит: «Ладно.

Сколько стоит самая центряковая портачка?» Тот выдохнул: «Четвертак!» Коля повернулся к нему спиной, задрал майку и говорит: «Коли, падлюка...»

И все, с утра до ночи Коля лежит в бараке на шконаре на пузе, жужжит машинка (механическая электробритва с приводом на иголку), тушь, ушан с полотенцем – кровь промакивать, другой на стреме. Кольщик делает по прориси. Во всю спину: в обрамлении из колючей проволоки и роз пятиглавая церковь, и на ее фоне Богоматерь с младенцем. Спина вся вспухла, кровь сочится. Отдыхать некогда, времени мало. Кольщик старается, не дай бог что. Вот уже Коле освобождаться, уже шнырь из штаба бегаёт, Колю по зоне ищет, на вахту вызывает. А измученный кольщик дрожащей рукой наводит последний глянец. Но еще успели кенты: заварили чаю, хапанули перед выходом. Коля повернулся ко всем спиной, и все сказали: «Ништяк!» Коля пожал мастеру руку, сказал: «В расчете!» – и бодрыми шагами направился к вахте.

Он очень гордился этой портачкой. Когда ходил в баню, обязательно какие-нибудь мужики подваливали, рассматривали наколку и спрашивали, откуда освобождался, кто колол, и уважительно цокали языками. И вот однажды в бане на Первомайской к Коле подошел какой-то интеллигентный дядька в очках. А потом, набравшись храбрости, спросил: «А вы, молодой человек, извиняюсь, какой веры будете?» Коля удивился такому вопросу и говорит: «Да я, типа, русский. А в чем, собственно, дело?» – «А понимаете ли, – продолжил очкарик, – там у вас картинка на спине, Богоматерь Смоленская. На руках у нее младенец Христос. И правой рукой благословляет. Так вот если по-православному, благословлять он должен тремя перстами. Если по-раскольничьи, то двумя. А у вас, молодой человек, младенец смотрит строго и скорбно прямо перед собой и показывает почему-то один палец. Средний...» У Коли мир перевернулся. И он отправился домой не помывшись. И никогда больше в общественных местах не раздевался. Вот такой привет из бластного мира.

Коле, конечно, наши сожаления. А всем любителям татуировок мораль: это может случиться с каждым.

Недоуздок

У Феде Алешина из Раскатихи был молодой русский жеребец Стайер. И еще один, годом моложе, – Сальвадор. Когда он стал заезживать Стайера, то Сальвадора привязывал к качалке. И он бежал рядом, сбоку. Так и работали. Сальвадор оказался резвее. Но когда он выходил обгонять, недоуздок душил его. И ему никогда не удавалось обойти Стайера.

И вот пришло время Сальвадора. И он удивил всех.

В первом же заезде Федя, державшись в середине, за полкруга до финиша отпустил Сальвадора. Сальвадор пошел и легко достал мощного американца-четырёхлетку. Поравнялся с ним в голову... и не стал выходить вперед! Так и финишировал под рев трибун, уступив полголовы.

Федя сначала даже не понял, что произошло. Но это повторялось из заезда в заезд. Сальвадор всегда доставал лидера и приходил на полголовы сзади. Федя вспомнил и чуть не заплакал.

Великолепного молодого могучего жеребца удерживал тот самый детский недоуздок, которого давно уже не было!

И ничего не сумели сделать с Сальвадором, как ни бились.

И продали его лошаdnикам-цыганам.

Рассказы о животных

В начале 80-х пробитый боксер Витька Лука со своим другом Апельсином пошли погулять в зоопарк. И увидели слона. Ух ты!

– А что, – говорит Апельсин, – слон-то, небось, сильный?

– А то! – отвечает Лука. – Щас мы его испытаем!

И снимает он со своей богатырской шеи охрнительный шарф «Маккензи», мохеровый, между прочим. На толкучке брал, на Шувакише, за двести пятьдесят рублей.

И вот он наматывает один конец шарфа на руку и дергает, проверяя, как держит. А вторым концом начинает махать под носом у слона. И выкрикивает всякие задорные слова.

Слон немножко оторопел от такой наглости. Вытянул хобот, осторожно дотянулся до шарфа, очень гибко зацепил его и аккуратно на себя потянул. Витька расставил ноги, уперся и говорит Апельсину: «Смотри!» – и с диким воплем резко потянул шарф на себя. Слон удивился и, не отпуская шарфа, сделал шаг назад. И поспешил спрятать хобот в вольер. Лука перелетел через загородку и въехал башкой в толстые прутья вольера. Раздался мощный чугунный звук. Рука безвольно разжалась.

Лука присел на корточки, а слон изящным движением зачихал шарф в пасть и проглотил.

Лука очухался, поднялся по привычке сначала на одно колено. Потряс головой и спрашивает Апельсина: «Че, видел?» Апельсин отвечает: «Весь зоопарк видел». Лука говорит: «Погоди, это не считово, это только первый раунд».

Они пошли за хлебом. План был прост. Так как слон всегда голодный, Апельсин должен был булкой хлеба выманить его хобот как можно дальше. А коварный Лука, притаившись, должен был внезапно провести по хоботу жесткую серию с двух рук и убежать. Так и сделали.

Витька только успел скомандовать Апельсину: «Смотри!» Жестко левой нащупал дистанцию, вложился правой, на отходе левой, нырок, и вдруг звонкий шлепок мягкой кувалдой по затылку... как будто на секунду выключили свет. Просто у слона другая реакция...

И Витька, не вставая с колен, печально смотрел, как его Новая Дорогая Ондатровая шапка уплывает в слоновью конуру...

И тут раздался идиотский смех: первым не выдержал Апельсин. А за ним уже хохотали все остальные. И Витька Апельсина отлупил. И поделом. Потому как ничего смешного.

«Слава русскому народу!»

В Верх-Нейвинске живет замечательный художник Анатолий Панов. Красит картинки в свое удовольствие. Его там, в Верх-Нейвинске, все знают.

Однажды, в 1962 году, на въезде в поселок, где разворачиваются автобусы, с утра появился яркий плакат «ДОЛОЙ ХРУЩЕВА! СЛАВА РУССКОМУ НАРОДУ!». До обеда висел. Все сбегали, посмотрели. Слухи по поселку поползли. И вот приехали какие-то люди в гражданской одежде, но с военной выправкой. Плакат сорвали. Сориентировались на местности. И тут же извлекли на свет божий молодого патлатого художника. Не били. Но вежливо объяснили, что существуют места не столь отдаленные, сколь необжитые. И из всего семейства цитрусовых в этих местах водится только клюква, коей молодому художнику предстоит лакомиться лет десять. Без сахара. Тем самым есть все шансы исправить косоглазие. На робкое возражение художника, что у него косоглазия не наблюдается, один из гражданских показал ему увесистый кулак и поправил: пока не наблюдается.

А вообще-то даже не били. И разговаривали довольно вежливо. Причем «Долой Хрущева!» их не интересовало. А вот «Слава русскому народу!» очень задело. Задавали вопросы с подковыркой. Почему «русскому», а не «советскому»? Сам ли придумал? Кто подучил? И все такое.

Надо сказать, что художник отделался легким испугом. Было собрание, его исключили из комсомола. И все. Добра пирога!

Я вчера виделся с ним. Хороший дядька. Смеется.

Спрашиваю: а почему «Долой Хрущева!»?

Враз посерьезнел. Ты что, говорит, Женя, он нас едва-едва в Третью мировую не втянул!

Никола

Давным-давно я пытался попасть в одну из старейших старообрядческих часовен. Сколько сил потратил! Ездил я туда, на Север, много раз, прежде чем мне удалось познакомиться с наставником. Сначала он разговаривал со мной за оградой и войти не приглашал. Каждый раз, когда мы договаривались с ним встретиться, он на всякий случай обставлялся не на шутку, предупреждал родственников, приглашал свидетелей.

Однажды, не так давно, он пожаловался мне:

– Смотри, Женя, нам всем уже далеко за семьдесят, и молодые к нам почти не идут...

Я ему говорю:

– Варфоломеич! Вот ты меня давно знаешь, а несколько лет только из-за ограды со мной разговаривал! Ну как к тебе молодые-то пойдут?!

В часовню он пустил меня только через несколько лет. Увидев такое обилие высококлассных невянских икон, я был просто потрясен. Я не представлял, что где-то это могло сохраниться в таких объемах.

Но фотографировать Варфоломеич ничего не разрешил. А нормально рассмотреть и запомнить у меня не получилось, потому что свет включить не позволили. Да, похоже, там и нет света, кроме как на кухоньке. Все очень чисто, и половики настелены. Только иконы очень старые, закопченные, и потемневшее золото повсюду. Договорились, что я приеду с реставраторами посмотреть. Состыковались еще через пару месяцев. Приехали. Свет не включают, руками трогать не разрешают. Посмотрели с руками за спиной. Вижу, что много подписных и датированных. Я говорю:

– Варфоломеич, разреши отфотографировать.

Строго:

– Нельзя!

А потом, через год, я уговорил Варфоломеича и мы съездили на Веселые Горы, на могилы святых отцов. Залезли на скалу и видели пещеру, где, по преданию, писал иконы знаменитый невянский иконописец отец Григорий Коскин. Поговорили о вере и сошлись на том, что несть ни эллина, ни иудея, а судить всех будут по делам.

Договорились называть друг друга на «ты». Я уговорил Варфоломеича, чтобы он мне разрешил еще раз приехать и внимательно посмотреть иконы. Обещал подумать. Долго думал, советовался с наиболее авторитетными уральскими часовенными. Кряхтел. Пыхтел. Но пригласил.

И вот я приезжаю. Осень. Дождь накрапывает. В часовне одно маленькое зарешеченное окошко. Снимаю обувь. Варфоломеич переодевается в кафтан, молится. Зажигает несколько свечек, становится вовсе темно. Начинает мне показывать иконы. Осторожно снимает с полочки (иконы только стоят, их не вешают!) и из своих рук дает мне посмотреть. Я, жалобно:

– Варфоломеич, но мне же не видно!

– Ничего, я тебе, мил человек, к окошку поднесу.

Меня интересуют подписи на опуши, даты, тыльная сторона иконы – а мне ничего не видно! Глаза устают. А когда еще случай представится?! Я уж взмолился:

– Варфоломеич, ты мне глаза высадишь!

А он:

– Устал, мил человек? Ну, давай в следующий раз.

Ага, думаю, знаю я твой следующий раз. До верху не дотягивается, поставил стремянку. Не совру! Стремянка середины позапрошлого века! Полез наверх. Трясется все. Снимает икону. Я испугался:

– Эй, Варфоломеич, ты сейчас сверзишься!

А он стоит с иконой:

– Небось!.. Ну-ка, держи!

Я только руки протянул, а он:

– Да не икону! Меня держи!

Так ведь и не дал ни разу руками прикоснуться.

Вдруг Варфоломеич говорит тихим голосом:

– Мил человек, залезь на стремянку, посмотри, что там у нас наверху.

Я залез и, напрягая глаза из последних сил, рассмотрел почти неразличимые сюжеты темных икон.

– Варфоломеич, – спрашиваю, – как вы молитесь, когда не видите, на что молитесь?

Он лишь плечами пожал:

– Деды молились.

Я говорю:

– Варфоломеич, разреши несколько икон раскрыть. Уберем копоть и грязь, расчистим старую олифу, икона засверкает другими красками!

Он серьезно:

– Нельзя! Такие люди святые на эти иконы молились! Это святость на иконах, намоленность! Это нельзя смывать!

– Нет, – говорю, – Варфоломеич, это копоть и чад с кухни и еще когда в лампы трансформаторное масло наливают. Смотри, говорю, ты же умываешься, моешься, мочалкой трешься – приятно же чистому. А почему ты думаешь, что иконе неприятно?

Вижу, задумался. И вот, позвонил мне через какое-то время и говорит:

– Я поговорил с отцами, по реставрации обещали подумать, но разрешили, чтобы ты приехал, сфотографировал.

Неслыханная удача. Приехали мы с Андреем, фотографом, и в течение шести часов отсняли все. Свет, правда, так включить и не разрешили и в руки взять не позволили. Но я все равно очень доволен, потому что это чудо, что старообрядцы разрешили сфотографировать!

День закончился, вышли мы на улицу. Ночь. Мороз. Снег скрипит, и звезды яркие. И мы повезли Варфоломеича домой. По дороге заговорили про Николу Чудотворца. Варфоломеич говорит:

– Ох, я Николу уважаю! Проси Николу – а уж он Спасу скажет. Никола – скорый помощник! Я как что потеряю, сразу Николу прошу и всегда нахожу.

И вот мы подъезжаем к дому. Варфоломеич прощается и к воротам идет. Я начинаю разворачиваться, и вдруг Варфоломеич останавливается и оборачивается ко мне:

– Подожди, не уезжай, мил человек, я тебе гостинца вынесу.

Подходит к дому, ищет ключ, хлопает себя по карманам, возвращается к машине. И встревоженно:

– Мил человек, давай посмотрим, я тут где-то ключ потерял!

Все обыскали! Всю машину перетряхнули, весь снег утоптали – нет ключа! Хоть на улице ночуй. Поехали обратно. Варфоломеич всю дорогу бормочет: «Никола святитель, скорый помощник...»

Подъезжаем. Фотограф остается возле машины, мы с Варфоломеичем идем в часовню. Все перерыли – нет ключа! Зато нашли какую-то маленькую сумочку. Выходим удрученные, Варфоломеич вовсе заскучал. И вдруг фотограф кричит:

– Петр Варфоломеич, вот, нашел какой-то ключ! Не ваш?

Варфоломеич обрадовался:

– Мой! А мы вот тут сумочку нашли, не твоя?!

Фотограф аж побледнел, бросился к Варфоломеичу, схватил сумочку и прижал к сердцу...

– Андрюха, что там у тебя?

– Да так, – говорит, – по мелочи: все деньги, паспорт, права и ключи от дома.

Сели в машину довольные, смеемся.

– Вот ведь Никола как все устроил! – задумчиво говорит Варфоломеич. – Ведь если бы я ключ не потерял, то я бы и ваши ключи и документы не нашел!

Я задумался и вдруг говорю:

– А знаешь что, Варфоломеич, так получилось, потому что ты, добрая душа, решил нам дать гостинцев в дорогу, а так бы мы уехали и ты бы до сих пор искал ключи у своего дома. А мы бы приехали домой через несколько часов и обнаружили бы, что Андрюха потерял все ключи, деньги и документы.

– И то верно, – сказал Варфоломеич.

Мы снова довели его до дома, подождали, и он нам вынес две баночки крепких соленых груздей, банку огурцов и банку моченой брусники. Мы попрощались и поехали домой, довольные.

Вот как Никола-то все устроил!

Помылись

Собрался в деревню. Позвонил своим, попросил, чтоб баню истопили, и вспомнил историю.

Поехали мы с известным русским ученым Герольдом Ивановичем Вздорновым в Ферапонтово. Когда проезжали через Ярославль, Герольд Иванович позвонил Мише Шаромазову, главному хранителю Ферапонтовского музея, и говорит: «Миша, мы с Женей часа через три приедем. Попроси, пожалуйста, чтоб нам баню истопили с дороги».

И вот приезжаем, Миша нас встречает. Вся семья в сборе, садимся пить чай. Миша говорит: «Герольд Иванович, я с баней договорился. Пойдемте, я вас провожу, пока не остыло. Веники там запарены».

А Герольд Иванович говорит: «Сиди, голубчик, мы сами дойдем. Женя, пойдем. Здесь рядом».

Заходим в калитку – никого нет. Прошли через двор. Уютная баня, чистая такая. Но еле теплая. Герольд Иванович говорит: «Ничего, на каменку накидаем сейчас. Пару хватит. Вон и веники!» Смотрю, а веники какие-то жидкие, использованные, похоже, веники...

Плескали, плескали на каменку – даже не шипит. Хоть прохладно, надо как-то мыться. Нашли воду, ополоснулись.

Выходим – вся семья вывалила на крыльцо. Странные какие-то люди и смотрят исподлобья. Герольд Иванович в сердцах: «Что ж вы баню-то так плохо протопили? Вы уж в следующий раз топите по-настоящему!» Они смотрят неприветливо и только головой кивают.

Дошли до Миши. Сели за стол. Герольд Иванович возмущается: «Да что это за баня?! Ни помыться, ни попариться! И люди какие-то неприветливые...»

Вдруг стук в дверь. Заходит соседка: «Миша! Я уж баню час как истопила. Твои-то пойдут или нет?!»

И тут до нас дошло. И мы начали смеяться. Я долго остановиться не мог. Я же понял, почему люди-то неприветливые. Представляете, сидят дома, никого не трогают. Вдруг среди бела дня к ним, никого не спросив, через двор в остывшую баню заходят два мужика. Чего-то там полчаса вошкаются. Выходят недовольные и еще жизни учат!

Кому понравится?

Свет с востока

Давно это было, сотовых телефонов еще не было. 31 декабря, в девять часов вечера прибегает ко мне Дима, сынок моего товарища:

– Дядя Женя, дядя Женя, приезжайте скорее! Папа руку сжег, его надо в больницу везти!

Уй, блин. Тут уже шампанское пузырится, и снегурочки кудрявые в глазах. Ну на фиг мне такое счастье?!

– Сильно, – говорю, – сжег?

– Не очень, – отвечает, – до локтя!

Я помчался. Приезжаю – в натуре, капец. Сидит, стонет. Вместо руки – головешка. Погнали в травму. Костя сидит, зубами скрипит.

Я Диме говорю:

– Рассказывай, как получилось.

– А мы, – говорит, – с папой купили петард на Новый год, но не дождалось, решили одну запустить, попробовать. Папа взял ракету в руку и начал поджигать, а я ему говорю: «Подожди, я инструкцию читал, там написано, что ее надо на палочке в землю втыкать, только потом поджигать и отходить подальше». Он посмотрел на меня и говорит: «Ты меня что – учить, что ли, будешь?» Я испугался и отошел, а он поджег и встал, как Ленин на памятнике, руку вперед вытянул...

– И что, – говорю, – не взлетела?

– Да она бы и хотела, да он ее так крепко держал, еле отсоединился!

А Костя в это время пришел в себя и как давай ругать китайцев, и, пока мы ехали до Челюскинцев, он всех китайцев ругал обидными словами! Каждого. Поименно.

Заходим в травму. Сидят человек тридцать рядком – как дятлы на жердочке. Стонут, воют, раскачиваются, китайцев матерят. И у каждого правая рука обожжена. И только у Кости левая, потому что он левша. И Дима рядом с нами, такой перепуганный, голову в плечи втянул. Правильно – из-за него же все получилось.

Вот так мы и встретили Новый год. Когда вез Костю домой, он строго-настроено велел Диме сейчас же вынести на помойку все это китайское говно. Еще раз: строго-настроено! И хотел подкрепить отеческое наставление отеческим же подзатыльником, но вовремя вспомнил, что вместо левой руки у него головешка.

Дима был послушный сын. В эту же ночь он выбросил все ракеты на помойку. Кроме одной – сороказарядной. И эту одну, самую большую, он притащил на Гражданскую, к бабушке Лине Ароновне, и спрятал ее в туалете. И ходил по квартире, насвистывал, выжидая время. А потом взял спички, просочился в туалет и заперся там. И решил запустить ракету. Ну, чтоб без свидетелей.

Он что-то долго там вошкался, бикфордов шнур никак не хотел загораться. Бдительная бабушка подошла к двери:

– Дима, ты что это там делаешь?

– Бабушка, не отвлекай меня, я какаю. (Ох ты, умник, он, видите ли, какает! Сказал бы лучше – гажу!) И на этом месте бикфордов шнур загорелся.

– Ой! – сказал Дима и сунул его в унитаз, и, к своему ужасу, понял, что он и там горит! Ну все, кирдык. Впору начинать отсчет.

Из сопла ударила струя белого пламени. Уйдите все! Поехали! Дима попытался накрыть унитаз тазиком, но не успел – ракета с жутким хлопком стартанула, и унитаз рас-

кололся. И захерачила в лампочку под потолком. Посыпались осколки, свет погас, и только ракеты метались, как бешеные, сверкая молниями в замкнутом пространстве. Дима, пытаясь укрыться от диких ракет среди вспышек, грохота и воя, прыгнул на сливной бачок. Бачок с трубой оторвался от стены и вместе с Димой, зацепив несколько тазиков, с потоком воды рухнул вниз... А в это время бабушка и дядя Володя долбили в дверь туалета кулаками и кричали:

– Дима, что ты там делаешь?!

А что спрашивать-то, он же ясно сказал!..

Дверь туалета открывалась наружу, только это Диму и спасло. Он вылетел оттуда, как летчик из горящего истребителя. И, с грохотом захлопнув дверь, навалившись на нее спиной, закричал со страшными глазами:

– Не подходите!!!

Когда дым развеялся, жуткое зрелище предстало перед глазами притихших зрителей. Дверь в туалет снаружи была белая, а изнутри черная. При этом самого туалета не было. Как? Да вот так – неделю к соседям ходили.

А Дима обнял бабушку и говорит:

– Бабушка, у меня к тебе только одна просьба!

– Какая?

– Ты, это, ну, папе не рассказывай...

История эта, слава богу, закончилась нормально. Дима поступил в Суворовское, потом закончил УПИ. Толковый, открытый и веселый парень. Ему уже двадцать девять. Лина Ароновна – женщина мудрая, Косте ничего не рассказала. И правильно сделала. Тем более что Дима жив остался, чего рассказывать-то.

А то, что у Кости рука сгорела до локтя, вы не переживайте, она у него потом обратно выросла.

Сатисфакция

Витька, старый блатной, еще из прошлой жизни, пытался выехать из двора. А выезд перегородила «газель». И Витька, как воспитанный человек, использовал все возможности, чтобы ее как-нибудь объехать. Но двор не расчищенный, сугробы, колеи, и БМВ, «пятерка», никак не пролезала. А водитель «газели», молодой, здоровый парень, сидел и с любопытством наблюдал в зеркало, как водитель БМВ извращался. Действительно, прикольно. А Витька уже начал злиться, мигать фарами и сигналить – ну делов-то, в натуре, ну сдай вперед хоть на метр! А тот сидит и в зеркала косится.

Ну, Витька вышел из машины. Подошел к «газели» и говорит вежливо: «Ты че, пес?!» А тот ему в ответ: «Сам пес!» И ровно на этой мажорной ноте Витька и двинул ему через стекло. И попал. Губу разбил и кукушку стряс. А водила встрепенулся, обрадовался, достал сотовый телефон, наставил на Витьку и комментирует: «На меня совершенно нападение, грабитель пытается завладеть автотранспортным средством!» И говорит Витьке: «Все, тебе конец. Я иду писать заявление в милицию». А Витька уже понял, что что-то не то, и лихорадочно начал подсчитывать, сколько дадут. И ему поскучнело, он сразу успокоился и говорит водиле: «Что, так прямо и пойдешь и напишешь на пожилого дядю Витю заявление в милицию?» А молодой довольный. Да, говорит, пойду и еще свидетелей позову. Вон их сколько! И действительно – куча любопытных к окнам прилипла.

И тогда Витька, человек прямодушный, говорит: «Ну, дал я тебе по морде – че уж, сразу заявление? Ну, возьми да ударь меня тоже!» А молодой продуманный: «Нет, я хочу тебя наказать, чтобы тебе неповадно было!» Витька удивился про себя: «Зачем? Вроде столько раз уж наказывали, все равно не помогает». А вслух сказал: «А давай так сделаем: ты мне по морде дашь, а я тебе бутылку коньяка куплю». Парень оживился: «А хорошего коньяка-то?» Витька аж обиделся: «Б... человек буду, какой сам пью!» – и подставил лицо, но глаза не зажмурил. Молодой рукавом утер кровь и сопли, ухмыльнулся, поплевал в кулак, размахнулся и изо всей силы ударил невысокого Витьку в голову... но кулак поймал пустоту. Витька, уйдя под руку, со всей дури саданул молодому в подбородок снизу... Потом перешагнул через него, сел за руль «газели», отогнал ее на два метра, заглушил, выдернул ключ, кинул его газелисту, вздохнул и сказал: «Езжай, пиши заявление».

«Газелист» проводил его мутным взглядом. Он так ничего и не понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.